

Любовь Коряковская

ОНА

могла бы встретиться

С ФЕЛЛИНИ...

ФЕЛЛИНИ...

ФЕЛЛИНИ...

ОНА

могла бы встретиться

С ФЕЛЛИНИ...

Любовь Коряковская Она могла бы встретиться с Феллини

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63512642

Она могла бы встретиться с Феллини...[Текст] : Коряковская Л.В.

Сборник рассказов: КнигИздат; Москва; 2020

ISBN 978-5-4492-0151-5

Аннотация

Первая часть книги ярко отображает гул современной жизни мегаполиса. Герои рассказов сталкиваются с фантастическим и реальным миром в бурлящем потоке ироничных и трагических ситуаций.

Вторая часть посвящена жизнерадостной, мечтательной Алисе, живущей в мире грез и фантазий, ее сердце открыто для любви. При первых столкновениях с действительностью в душе происходит трансформация. Алиса продолжит поиск во времени, но той милосердной, доверчивой особы больше нет. Она будет нажимать на «нужные кнопки и в нужном месте». Сюрреалистические зарисовки служат некой композицией жанровых картин, ассоциативный ряд которых сохраняет реалии недавнего, уже прошедшего времени.

Сборник рассказов получился пестрым, многоликим и неоднородным, в разных жанрах: новелла, фельетон, экспериментальная драматургия, либретто.

Содержание

Вместо введения	6
В разных жанрах	9
Трансформация	9
Звонок	19
За что?	35
Дорогой подарок	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Любовь Коряковская
Она могла бы
встретиться с Феллини...
Сборник рассказов

*«Будьте осторожны со своими желаниями – они
имеют свойство сбываться».*

М.А. Булгаков

© Коряковская Л.В., текст, 2020

© КнигИздат, 2020

Вместо введения

Как-то один литературный критик мне сказал: «Ты вскочила на подножку давно ушедшего поезда». На что я ответила: «Пусть пока закрыты двери, где подкову мне купят, подожду, пока поверят, подожду, пока поймут».

Но, похоже, заждалась!

Тяга к творчеству как заноза сидела во мне давным-давно. Высказаться мешали обстоятельства: «нужно было размножиться, обустроить быт и зарабатывать на хлеб насущный». Имея за плечами «Плешку» (окончила Академию народного хозяйства им. Плеханова), я нырнула с головой в бизнес, А как иначе, деньги пока еще никто не отменял, да и время было такое, модно было отправляться в бессрочную предпринимательскую командировку и на время отложить свою «лебединую песню».

В начале нулевых годов в Москве уже господствовал новый мир с романтиками-прагматиками и жуликами. Колдунов, авантюристов, шаманов и западных тренеров по психологии с радостью выставляли на пьедестал почета «За райское счастье на земле!». А профессиональным писателям и не очень приходилось только ждать призыва – «кто нас оценит, если не бухгалтерия».

Гендерная тематика пока витала в воздухе, информационный абсурд еще не становился реальностью, Но вот сю-

жеты из жизни «братков» с красотками в «глянцах» и всякой «дьяволиадой» были в чести.

Раскрученные бренды раздражали, и я вдруг почувствовала выход, словом, наткнулась на свою театральную мечту, о которой грезила всю жизнь, Разгребая заваленный бумагой стол, подумала, а не начать ли мне сочинять рассказы, преобразуя житейские истории в художественную фантазию, Решила живописать, создавая персонажей в рассказах.

Что самое интересное, захотелось попробовать толкать себя в самые разнообразные формы повествования, Отыскивать внутренние «скрепы», между прошлым, настоящим и будущим через призму ассоциативных впечатлений, Как говорится, смотреться в зеркало, но с обратной стороны, без ненастья на душе.

На белом стекле герои начали оживать и посредством диалогов шевелиться., Рассказывая о бытовых ситуациях, по-своему ироничных, трогательных, грустных, передавая внутреннее состояние простых людей в плоскости реального и нереального, попыталась оторвать их от земли, Окутывая флером таинственности, разрешать их конфликты, противоречащие человеческим ценностям.

С детской непосредственностью новоявленной писательницы взялась за перо и с энтузиазмом поступила на ВЛК при Литературном институте им. А.М. Горького, Стала членом Союза писателей Московской организации.

Вот так началась моя жизнь в искусстве.

Творчество – великая сила, Господа! Как только напишешь свою неповторимую, может быть, и последнюю в твоей жизни книжку, то начинаешь сам изменяться и мир изменяется вокруг тебя, Ты расширяешь горизонты своих мечтаний и прекрасно проводишь это волшебное время, не затратив на это ни копейки.

Дерзайте, Господа, дерзайте!

С уважением, Любовь Коряковская

В разных жанрах

Любимому городу посвящается.

Трансформация

Подходя к метро, Алиса вдруг вспомнила, что она без очков. Не обращая внимания на свою привлекательную «обнаженность», она нырнула в предпоследний вагон на станции «ЩЕДРОСТЬ». Пылая от счастья и восторга, решила сесть на свободное место, прикрывая свою «наготу» книжкой. Но в какой-то момент ей почему-то захотелось отложить чтиво в сторону. Испытав на себе пристальный взгляд мальчугана, сидящего напротив, Алиса была приятно удивлена, что и он, и его соседи-ребятишки смотрят на нее как-то по-особенному. Взгляды были нацелены прямо в сердце. Вели они себя непринужденно, раскованно, как у себя дома. Ей показалось, что они были похожи на бродяг-побирушек, а может, на «гостей» нашей столицы или просто на маленьких «детей солнца».

С ощущением большой любви и внутреннего подъема Алиса стала посылать им восторженную улыбку.

Вскоре тот, который покорила Алису своей непосредственностью, стал приближаться к ней медленно, но верно, при

этом его жуликоватый взгляд притягивал еще с большей силой. Алиса с любовью и нежностью начала подыгрывать мальшу, подмигивая то одним, то другим глазом. Мальчуган не растерялся и приблизился к Алисе вплотную, наклонился и тихо, невзначай вымолвил с легким восточным акцентом: «У тебя кошелек есть?» Не отводя взгляда, он хитро и лучезарно улыбался.

«Вот это да! Вот это режиссура!» – с быстротою молнии разразились неприятные мысли. В первый миг захотелось оттолкнуть его и вымыть руки, но внутренний голос пропел колыбельную. «Брось ему кошелек с денежкой, он так ждал этого часа. Не лишай его удовольствия, он же вошел в вагон именно за этим».

В одно мгновение Алиса поняла, как ей поступить. Искрометным движением рук она раскрыла сумочку и подкинула кошелек высоко вверх, в надежде на то, что мальчуган или не поймает сокровище, или выйдет на следующей станции. Его приятели приготовились к выходу, вся ватага решила покинуть вагон.

Драгоценный кошелек на мгновение повис в воздухе... «Что он выберет, – подумала Алиса, – деньги или свою «стаю»? Что дороже – остаться одному с кошельком в чужом городе или все-таки...»

А в это время мальчуган, не раздумывая, взлетел за кошельком как истребитель и прыжком вратаря ухватил на лету и ловко засунул его себе за пазуху.

Испаряясь в толпе, он забыл сказать «спасибо».

Двери захлопнулись. «Эквилибрист» еще не успел выйти из вагона, как голос, записанный на пленку, повторил: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «ФАНТАЗИЯ».

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 1 – В целях вашей безопасности не расставайтесь легко с тем, что вам так дорого, иначе с такой же легкостью вы сможете растерять все остальное.

Вдохнув струю свежего воздуха, Алиса успокоилась и пересела на другое место. Почувствовав, что состояние молодости и здоровья, полета и вдохновения постепенно стало улетучиваться, усилием воли при закрытых глазах она заново начала «работать над образом» по восточной методике. Образ моментально отозвался. «Представьте картину Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем». Представили? Вот и хорошо, мои «умнички», – прозвучал внутри голос Учителя. Мысленно Алиса очутилась внутри картины, испытывая сильный прилив нежности, тепла и света.

С закрытыми глазами она проехала минуты две-три и вдруг ощутила себя в колыбели ласковых, сильных рук. Это состояние Алисе понравилось, мысленно она просила покачать еще и еще раз, все сильнее прислоняясь к «маме-мадонне» румяной нежной щечкой. «Почему она такая шерша-

вая?» – подумала Алиса и на мгновение приоткрыла один глаз. Увидев себя на руках сильного большого мужчины, она чуть не потеряла сознание. Крикнув: «Помогите!», потом неразборчиво что-то ругательное, она резко выскочила из его «люльки». От стыда побежала в самый дальний конец вагона, забилась там в конвульсиях и зашептала себе. «Не трусь, Алиса. Тебе просто надо срочно перейти в другой вагон. Ты слишком эмоциональна и поэтому без труда вошла в свой образ!»

А в это время одни люди в вагоне бросали неодобрительные взгляды в сторону того большого «гиппопотама», а другие громко смеялись. Но наш герой не смущался, а только бормотал: «Да она сама, сама же попросилась на руки, эта очаровательная малышка. Она так хотела, чтобы ее кто-нибудь покачал!»

Все тот же противный голос монотонно продолжал: «Следующая станция «МИЛОСЕРДИЕ».

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 2 – Не спешите впасть в детство без оглядки, в противном случае имеется вероятность остаться там навсегда.

Алиса, красная от стыда, проникаясь к себе внутренней жалостью, решила больше не садиться и, стоя, как боевая лошадь, закрывшись газетой, замерла. Она решила спрятаться под покровом нашей прессы. Она читала без очков, так как

нетрадиционная медицина давала ощутимые результаты.

Через некоторое время Алиса почувствовала приближение какого-то нового испытания в своей жизни. Повернув голову в сторону последней скамьи, она увидела слепого мужчину. Медленно постукивая палкой, он двигался в ее сторону. Алисой овладело яркое желание отдать ему последнюю десятку без колебаний, без доли сомнения, сейчас, сию же секунду. Ее внутренний голос шептал: «Помоги чем можешь». Конечно, может быть, при других обстоятельствах Алиса своим пронзительным взглядом дала бы понять, что не нужно ходить по вагонам и собирать деньги, лишая себя божественной ответственности за происходящее, за то настоящее, которое имеешь. Но это вагон, и всякая философия о создании божьем неуместна.

Не задумываясь боле, Алиса достала последнюю помятую десятку и положила слепому в холщовую торбу. Десятка легла в одиночестве на дно «сокровища». И вот в этот момент Алиса почувствовала прилив бодрости и какой-то необъяснимой радости. Пошевелив смачно губами, она сделала про себя «мок, чмок» и подумала: «Молодчина, Алиса!»

Слепой пытался выйти из вагона, и Алиса помогла ему переступить порожек перрона, а сама перешла в другой.

А скрипучий голос продолжал свою песню и твердил: «Следующая станция «ЛЮБВИ И НЕГИ».

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 3 – Если есть искреннее же-

вание помочь, действуйте без промедления и сомнений. Первый шаг самый верный, как первая любовь. Иначе не избежать раздвоения личности.

Алиса, услышав название станции, пришла в состояние гнева и отчаяния. Ну вот, опять любовь, приятная истома, сердцебиение и все такое. Надоело! Надоело держать этот образ, от него только неприятности. В голове закрубились воспоминания о неудачных романах. В этот момент ее взор обратился в сторону мужчины сногшибательной внешности. Заметив его еще издали, она поняла, что это – судьба. Фетровая шляпа с большими полями, кожаные перчатки цвета слоновой кости, а глаза! Крупные «маслянистые» черносливы с расширенными зрачками! В минуты ослепления она почувствовала, что этот «парус» сегодня, несомненно, зайдет в ее гавань. Приятные ощущения волной прокатились по всему телу. В голове слегка зашумело, как после шампанского.

И вот расстояния между ними почти не стало. Они рядом. За секунды Алиса решила «третьим глазом» заглянуть в него глубоко и провести «диспансеризацик» любимых органов.

В этот момент в вагоне стало темно, и Алиса решила потрудиться на полную катушку. Пока пролетали «темнейку», обследование проводилось самым тщательным образом, с большим задором и женской щепетильностью. Возможно, вы подумали о чем-то плохом? Да нет, Алиса справлялась умело

и легко, не дотрагиваясь руками до объекта – бесконтактная методика, апробированная веками. Справлялась мысленно, с интересом погружаясь в знакомое для нее состояние.

От ошеломляющего портрета своего избранника ее за-тошнило. Вынырнув из темноты, поезд замедлил ход, и наш Аполлон повернулся лицом прямо к Алисе. Он выдохнул струю теплого, необычайно сильного перегара, спросив при этом, не выходит ли она на следующей станции. В его голосе звучала интонация придурка. Чернявый был пьян. От внезапной растерянности Алиса не знала, что ему ответить. Ей показалось, что вся ее жизнь была наполнена каким-то хламом с привкусом зловония и отвращения. Она решила больше не экспериментировать.

Моноotonно звучал осипший голос: «Двери закрываются. Следующая станция «ТРАНСФОРМАЦИЯ».

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО № 4 – Во избежание лишних неприятностей без стука не входите.

После постигших Алису переживаний ее состояние в корне изменилось. Она уже не замечала сидевших вокруг людей, она так устала от этих образов. Ей захотелось громко закричать: «Хватит! Баста! Пора вернуться к реальной жизни». Но как только эта мысль пробила ее сознание, мозг начал сопротивляться и тихо-тихо нашептывать. «А где корсет, улыбочка, внутренний подъем?» Услышав знакомые нотки, Алиса

беспрекословно подчинилась команде. Собрав волю в кулак, она решила порезвиться и размяться упражнением «баяниста». Делая это быстро и легко, она постепенно втянулась в игру и продолжила ускорять темп движением рук, никого не замечая. Пальцы левой и правой руки бегали по клавишам грудной клетки, а потом собирались в кулак, разжимались и показывали фиги всем сидящим в вагоне.

Бригада работяг вошла на предыдущей станции и пребывала в отличном настроении. Толстуха и толстяк сразу поняли, что дама, которая «семафорит» напротив, явно не в себе, и пришли к выводу, что она или из психушки, или, в лучшем случае, колдунья. Двое работяг более «утонченных» форм (назовем их «сиамские близнецы») заключили, что она вообще «не наша».

Поезд продолжал движение, работяги оживились, и разговор принял серьезный оборот. Кто-то крикнул:

– А давайте у нее спросим, что она изображает?

– Да ну, зачем, – ответили другие. – Вдруг она и в самом деле ненормальная, агрессию проявить может.

Шум в вагоне усиливался. «Сиамские близнецы» предложили выпить, а толстяки поговорить с дамочкой. С выпивкой у них получилось без задержки, синхронно раздался привычный звук бульканья и причмокивания, а вот разговор с дамочкой? Диалог не состоялся. Она исчезла, испарилась. Пытаясь шарить по вагону, работяги так и не смогли отыскать Алису. Некоторые сделали заключение, что она «вышла

в эфир своим менталом» и закрылась невидимой аурой.

Алиса тем временем, утомившись от физических и нервных перегрузок, решила немного отдохнуть и, присев на корточки, прислонилась спиной к закрытым дверям вагона. Она засыпала. В состоянии внутреннего покоя маленький теплый комочек, съежившийся в уголке, мчался к своей следующей станции.

Постепенно свет начал заполнять вагон, поезд замедлил ход, знакомый голос простонал: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция...» Не дождавшись названия новой станции, Алиса вдруг вскочила и выпрыгнула на перрон. Пока поезд стоял, она решила пройти в головной вагон.

Поезд тронулся. Она взлетела на подножку локомотива и крикнула. «А какая следующая станция?!» Ответа не последовало. Алиса пыталась повторить вопрос, но ей никто по-прежнему не ответил. Она энергично вошла в кабину и... замерла. Поезд мчался без машиниста, по расписанию, со всеми остановками! Ее охватил смертельный ужас, она стала метаться перед пультом управления.

– Спокойно, Алиса! – раздался знакомый голос в кабине. – Подойди поближе, – продолжил невидимый друг.

– Но я же не умею управлять поездом! Мы разобьемся! – панически кричала Алиса.

– Тебе только кажется, что не умеешь. Твои пальцы коснутся нужных кнопок в нужный момент и подчинятся тебе! Загипнотизированная, она встала на место машиниста и

поняла, что это ЕЕ путь, единственный и неповторимый, и распоряжаться им будет она.

Голос произнес знакомую фразу: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция ЖИЗНЬ».

2002 год

Звонок

В тот день я затеяла генеральную уборку. Так захотелось чистоты и порядка, что квартиру вылизала до зеркального блеска. Мне никто не мешал. Я была одна. Дочь вышла замуж, муж по субботам, как всегда, в автосервисе.

С непривычным для меня усердием я намывала, начищала, надраивала. В одиночестве даже причмокивала от удовольствия! Голова приятно кружилась от вальсирующей беготни по квартире, а сердце волнующе постукивало. Любимому коту успела сделать модную прическу, и он забегал, пританцовывая на задних лапах. Паласы, картины, книги наконец-то освободились от вековой сизой пыли. В моем доме все засверкало хрусталем как дорогая витрина в престижном магазине. «Версаль! Тут уж ничего не скажешь!» – ответило мое изображение в бабушкином овальном зеркале, и я увидела долгожданное вдохновение в своих глазах.

Единственное, что я не успела, так это прибраться в спальне. Помешал телефонный звонок. Мужской голос попросил Саню, так звали моего мужа. А я, Любаня, хозяйка квартиры средних лет, но выгляжу, разумеется, моложе!

С чувством выполненного долга я объявила перерыв и решила поболтать.

– Любаня, привет, – раздался приятный баритон на другом конце провода.

– Чао-какао, – ответила я игриво, намекая на продолжение разговора.

– Как поживаете? Куда пропали?

– Нам сейчас не до тебя... Саня затеял новую дачу, суета сует, сам понимаешь. Песок, бетон, ворота и забор.

– А я в свободном полете, короче, наслаждаюсь своим положением.

– Каким положением?

– Холостым!

– Ты все-таки развелся?

– Покончил с рабством навсегда!

– Да ты, что ль, раб, не смей!

– Долго не выпускали на свет агнца. А Боженька все видел и устроил новую светлицу с красною девицей!

– Сколько же она с тобой мучилась, бабник!

– Не она, а я с ней! И не только я, но и мой Гаспер.

– Какой такой Гаспер? Не припоминаю...

– Молодой озорной кобелек мой, ненаглядный.

– Послушай, да не знаю я никакого Гаспера, жену бывшую знала, а Гаспера?..

– Любаня, ты сегодня в ударе, месяц назад моего кобеля лечила. Я тебе говорю про собаку Га-с-пе-р, ты, что, мать, забыла? Я же не застукал тебя с каким-нибудь «джаспером» или «вокером», только произнес имя моей любимой собачки Гаспер!

На слове Гаспер я задумалась, и моя память стала усилен-

но сопротивляться.

– Любаня, ты куда пропала? Чего молчишь-то, котлеты подгорели? Едрена-матрена!!!

Я почувствовала, что это не Санин друг, это был другой человек, захотела повесить трубку. Но, подождав минутку-другую, все-таки отозвалась.

– Простите, если у собаки имя Гаспер, то вас как зовут?

– Ну ты даешь, Любаня, плавно перешла на вы! Париж с конфетами! Короче, Жорик меня зовут. Жорж;. Жоржик... Едрена-матрена!

– Послушайте, Жорик, я не та Матрена. Вы ошиблись номером, и я говорю вам «оревуар»!

– Постой... ну подожди... Любаня, только не клади трубку, я не хочу вот так... Давай поговорим о чем-нибудь еще. Хочешь, я расскажу о себе или о своей собаке? А хочешь, о тебе? Может, куда-нибудь ходим?

– Я еще раз повторяю, произошла ошибка, недоразумение... Жорик! Мне пора. Сейчас придет муж с работы!

– Послушай, позвони, когда захочешь... ну просто поболтаем, как сегодня, как старые знакомые.

Что-то в тот вечер изменилось. Объяснения новому состоянию я пока не находила, но разговор с Жориком начал ворошить забытые романтические воспоминания. Непонятное чувство, возникшее на лету по телефону, натягивало невидимую нить симпатии. На всех фронтах ощущалась победа, мне захотелось подпрыгнуть и отпустить свои мысли во все-

ленскую радость!

Он перезвонил в этот же день, будто услышал меня.

– Кто это? – спросил мой муж, укутавшись в махровый халат, сидя перед телевизором.

– Ужин на столе, – ответила я безучастно.

– Ты, что, не слышишь? с надрывом переспросил муж.

– Да это Гаспер, фу, Жорик.

– Какой Жорик?

– Да не все ли равно.

Я побежала на кухню договорить по телефону, чтобы перенести аппарат в другую комнату.

За столом Саня вскользь хотел уточнить, кто же звонил, но по большому счету моя личная жизнь его так мало интересовала, что после ужина он продолжил смотреть ТВ и забыл, о чем спрашивал пять минут назад. Для него я была верной домовитой супругой, с которой он проживет до старости без сюрпризов.

Второй звонок от Жорика был совсем другим. Он рассказал, что был воином и ему 56 лет. Жил неподалеку от меня, в однокомнатной квартире, выгуливал своего Гаспера и с жаром вспоминал про свою жену. Без работы ощущал себя одиноким и брошенным. Он стал звонить почти каждый день!

Но вот однажды, пригласил меня к себе домой. Я отклонила предложение, но на кафе согласилась. Хотя мне было уже неинтересно. Для меня его «сага» стала чем-то большим, чем телефонная история. Она стала для меня такой же род-

ной и безнадежной, как мой муж.

По телефону Жорик часто вспоминал про войну, жену и погоду. Про собаку, зарплату, дачу и про ревность. Ревность для Жорика была выделена отдельной темой, она его возбуждала, сопровождала приступами бешенства, а затем сменялась на семейное блаженство с цветами и дорогими подарками. А когда напивался, то любил поговорить о сексе. Секс в жизни Жорика был, пожалуй, одной из самых ярких страниц. Он не гнушался с седыми висками иногда заглядывать в ночные клубы и даже приводить к себе девчонок. Но он каялся, грешил и опять каялся за своих брошенных детей и жену. По телефону плакал за подлый поступок, когда выписывал их из квартиры путем подкупа исполнителей этой аферы. Не освобождался он и от вины за брошенную большую мать. По-своему ее обожал и не виделся годами.

...Я все же пошла на встречу в кафе с Жориком. Заказала чай с лимоном и пирожное «Лето в Париже». Я медленно ела этот воздушный шедевр и, не делая ни одного глотка из чашки, ждала и задумчиво смотрела через витринное стекло на прохожих. Мой столик был придвинут вплотную к большим оконным проемам. Через стекло люди передвигались как винтики в часовом механизме. По шагам можно было определить, кто торопится, а кто нет. В кафе играла музыка и приятно пахло выпечкой. Что-то в этом сюжете было из кино, я наблюдала за короткометражным фильмом за окном, а он все не кончался. Мужчины, женщины, бабушки,

дети, собаки и кошки бежали по тротуарам. Дорогие автомобили и не очень, велосипеды, троллейбусы тоже куда-то неслись. Мелкий теплый дождь моросил под ногами. Не обращая внимания на мокрый дар с неба, люди безостановочно сновали по улице. Они вылезали из такси, изучали витрины магазинов. Мимоходом договаривались о встрече, у многих в руках были зонтики. Затем опять показалось солнце, и люди вновь бежали по улице. Мне не хотелось больше думать о Жорике...

Мелодия в кафе звучала приятная. Я не заметила, как ко мне подсел незнакомый мужчина лет сорока. У него была смуглая кожа, темные брови, белки казались особенно светлыми. Волосы черные, слегка вились. А Жорик так и не пришел! Это послужило хорошим поводом для нашего расставания!

А незнакомец как ни в чем не бывало предложил кофе и протянул мне меню, чтобы я сделала заказ. Его звали Виталий. Он заговорил со мной, будто я его ждала. Говорил с легкой улыбкой, а глаза выражали что-то очень глубокое и душевное. Не отрываясь от моих глаз, произнес, что мы знакомы. А если я не соглашаюсь с ним, то готов предложить другой вариант, что мы вовсе не знаем друг друга. И тогда у нас появится возможность познакомиться за этим столиком. И еще сказал, что если я его сон, то он мой и мы поедем в Рим, когда захотим.

Мы пересели за другой столик и заказали роскошный

обед. За обедом практически молчали, проголодались, а потом он предложил меня подвезти. Я пошла за ним. Стоп!.. Почему я пошла за ним? Замужняя женщина. Я ждала Жорика! Но он не пришел, а пришел другой, незнакомый, молодой и красивый. Появилась внутренняя смелость, и что-то близкое моему сердцу стало созвучно с этим молодым человеком.

Чтобы скрыть свое волнение, я решила все же рассказать незнакомцу про Жорика. Машина двигалась почти шагом, я чувствовала, что сейчас что-то произойдет. На минуточку себя представила в его объятьях, и у меня закружилась голова.

– Мы поедem в Рим, – сказал он очень спокойно.

– Почему в Рим? Кто вы? – смущенно пролепетала я.

– Вы – это вы! – ответил он романтично.

Машина остановилась. Я оказалась перед выбором – остаться на месте, совершить прыжок или все-таки подумать. Надо было на что-то решаться.

– Могу ли я тебе верить? – тревога прозвучала в моем голосе.

– Если я твой сон, то ты – мой, – ответил незнакомец и включил зажигание.

По всему салону разлилась музыка, и мы помчались. Вдруг машина резко затормозила, и незнакомец выскочил. Возбужденный, он подошел к девушке, которая шла по противоположной стороне тротуара, забрал у нее ключи. Она

возмущалась, хватала его за плащ и все время останавливала. А он отворачивался и нервно отрывал от себя ее руки.

Через мгновение мы сидели опять рядом. Мы проехали еще несколько километров.

И вот остановка. Мы оказались в незнакомом для меня районе. Вошли в подъезд молча. Поднялись на третий этаж. Он смутился, пожал плечами и замер. Я заглянула в его полные отчаяния глаза.

– Почему мы остановились не у двери, а у какой-то стены? – испуганно спросила я.

А он, растерянный, ничего не мог ответить. Минуты шли. Мы смотрели как загипнотизированные на эту стену.

– Придумай что-нибудь, – умоляла я его не молчать. – Это может не повториться, и мы больше не встретимся. Здесь нет входной двери, где твой дом? Ты меня обманул?

– Мне закрыли дверь, – спокойно ответил он.

– Но кто?! – я почти уже кричала.

– Ты!

«Это было предупреждение для нас обоих» – прозвенело колоколом в моих куриных мозгах, и я побежала вниз.

– Когда я встретил тебя в кафе, то произнес слово «привет», но ты не расслышала; потом произнес громче «я люблю тебя». Я почувствовал, что ты ждала меня, вот я и пришел!

– Я ждала не тебя.

– Но я все равно пришел.

– Почему?!

Его душа была такая же одинокая, как и моя. Для Жорика те звонки служили лекарством, в своем роде чупа-чупс для соскучившегося по сладостям школьника! А сейчас я нуждалась в «горячительно-утешительном» препарате, чтобы окончательно не упасть в обморок.

Спустя неделю, я встретила с Виталием еще раз. Улица была другая. Я вошла в квартиру с другим чувством, чем тогда на лестнице, у стены. С чувством неразделимого женского любопытства и убийственной уверенности в себе.

Квартира была самая заурядная. Никаких сюрпризов. Холостяцкий вариант. Жилая комната напоминала спортивный клуб, цветочную клумбу и деловой офис в одном флаконе. Лыжные ботинки, спортивные снаряды, рюкзаки и даже брусья болтались над моей головой. Много книг, разбросанных журналов, фотографий лежало на полу вместе с одеждой. Факс, компьютер, телефон, наушники с проводами громоздились в одном месте на письменном столе. В советскую стенку был втиснут музыкальный центр. А рядом стоял немодный жесткий диван. И еще разноцветные рисунки, ими были увешаны стены. Создалась иллюзия неухоженного летнего сада на заброшенных шести сотках! Вместе с «налитыми яблоками» по выцветшим обоям свисала абстрактная живопись с ананасами, вазами, бокалами. Я почувствовала маленький дискомфорт от дурного вкуса и сразу же вспомнила про свою квартиру с мягкой мебелью, атласными гардинами в цветочек, не забыла про новую бытовую технику

и про трехслойную розовую туалетную бумагу под цвет унитаза...

Мы выпили немного вина, и он предложил послушать музыку. Погрузившись в состояние покоя, мы слушали обертонное пение. С закрытыми глазами нас уносило к далеким снежным вершинам Гималаев без запаса кислорода. Я расслабилась... Он обнял меня и легкими прикосновениями теплых губ погладил мои лоб, щеки, плечи и часто-часто стал рассыпать на темном небе закрытых глаз множество поцелуев. Мы растворялись. Реальное легко смешалось с нереальным! Все произошло как в танце: сначала мы закружились быстро-быстро, а затем, медленно останавливаясь, не могли отдышаться от небесного полета по голубой планете...

В тот вечер Виталий много рассказывал о своих путешествиях. Но что интересно, я не горела огнем, как в первый раз, и он меня не трогал своими речами, как в первый раз, было похоже, что он меня и вовсе не волновал, несмотря на совместный «улет».

Почему? Что произошло? Ты же сама этого хотела! В недрах моего сознания появился «Ищущий», и он стал со мной говорить: «Тебе не стоило так рисковать своей безупречной репутацией из-за одного раза. Ты представляешь, если бы тебя муж застукал здесь. Выследил и застукал с любовником в его квартире? Из-за одного раза ради любопытства, ради этой любовной чепухи, которой сначала восторгаются, а потом пытаются подальше запрятать. Изо дня в день начина-

ют лгать, ловчить, мучаться и разрушать не только себя, но и близких. Зачем тебе эта нервотрепка? Захотелось обзавестись любовником, затем поставить его на белоснежный пьедестал пластиковых подоконников и всем показывать? А потом громко крикнуть – у меня есть любовник, как у всех?»

Мне стало стыдно и пусто на душе, я заспешила домой, к родным и близким, и чтобы больше ни-ни!!!

Виталий не мог читать мои мысли и поэтому рассчитывал на дальнейшие встречи, и не только на встречи, но и на поездку в Рим! Он предложил подумать и определиться с датой выезда, протянув мне необычный календарь. На передней глянцевой стороне была сфотографирована фирма, а на другой, матовой, вместо календарных дней, сотрудники. Он работал инженером в автосервисе для иномарок. На календаре я разглядывала служащих в фирменных комбинезонах рядом с дорогими автомобилями. И вдруг на первом плане я увидела... своего мужа, упитанного, большого, в знакомой кепке! Я замерла! Я потеряла дар речи! Катастрофа!!! Незнакомец был подчиненным моего Сани, директора фирмы. Он работал с ним не один год! Караул!!!

В моем взгляде Виталий уловил опасность. От шока я мгновенно захотела стать мухой и улететь в открытую форточку! Как хорошо быть мухой, удрать, и никаких следов! На моем лице, как на дисплее, большими буквами высветилась устрашающая надпись – «Мой муж убьет тебя, если только узнает!!! Он разорвет тебя на клочки!» А меня? И тут же

появилась другая надпись – «И тебя одним пальцем прибьет и разотрет по бабушкиному сверкающему зеркалу в золоченой раме!»! Эта фраза пулей просвистела в мозгах и окончательно пробила мой романтический череп! Набрал как можно больше воздуха, я по лестницам полетела, ничего не видя.

Обронив скользкую улику, зловещий календарь, на ступеньке первого этажа, я сделала несколько резких движений каблуком, и мне показалось, что я разодрала его в клочья.

Я выходила замуж не по любви, а «по возрасту». Я считала, что если не сейчас, то я вообще никогда не решусь. Саня не отличался большим умом, но чувство локтя и несгибаемость спины в нем присутствовали. Он с умеренной холодностью относился ко мне и дочери. Иногда в ней души не чаял, а в другой раз не замечал. Он и меня неделями не видел, так, приходил домой переночевать, а утром опять все сначала и на работу. Но все-таки наше существование в семье имело какой-то земной смысл. Он любил считать деньги, копить, подолгу копить, а потом тратить на нас и на себя. Он ощущал чувство превосходства над нами, беззащитными и покорными. В последнее время я стала замечать склонность к собирательству старых, ненужных вещей, некую отчужденность и замкнутость. Мы не принимали гостей, да и сами ни к кому не ходили. В редких случаях, когда мы были вместе, Саня не любил покидать своего обиталища, он любил ходить босиком.

Наслаждаясь безупречной чистотой в квартире, я пришла

в себя и успокоилась с чувством выполненного долга!

Я долго мучалась, но через неделю я все-таки призналась мужу. С «ни-ни» у меня ничего не получилось. Я влюбилась!!!

Я захотела переехать к Виталию и остаться навсегда на его заброшенных шести сотках. А муж даже не поверил, когда я ему сообщила, что уйду. Он отделался шуткой: «Во сколько тебя ждать?» Но я была настроена решительно. Письмо оставила на столе. Так, мол, и так. Обманывать не хочу, да и не умею. Прости, твоя бывшая.

Я помчалась к Виталию на квартиру, чтобы сообщить о своей свободе! Но, к моему сожалению, его не застала. Присунула записку в дверную ручку и поехала в кафе, то самое, где познакомились. В письме я сообщила, что буду ждать его за нашим столиком.

Я оглядывалась по сторонам и нервничала. Сидеть за пустым столиком было неловко, и я заказала для начала кофе с мороженым. Ко мне под села молоденькая девушка... свежая, юная, мне показалось, что я ее где-то уже видела. Она хотела заполнить паузу, поговорить со мной, но я была вся в мечтах и не реагировала.

Интересно, может, он уже забронировал билеты в Рим или в Милан? Да нет, наверное, не успел, а вдруг, да! Привезет авиабилеты прямо сюда, в конверте, на синей глянцевой бумаге. А какой он, этот Рим? С фонтанами, дворцами и вечным солнцем?

А Виталий все не приходил. Он подошел ко мне внезапно и протянул знакомый календарь, и мы отправились в другое место.

Я не показала виду, что этот календарь мне вовсе не нужен, а, наоборот, была рада и стала внимательно его рассматривать. Виталий пристально изучал меня, а я улику! Мой взгляд устремился куда-то далеко через фотографию, мысленно я очутилась на большом зеленом лугу, где мирно щипал травку с большими козлиными рогами мой муж. Я уставилась на его рога и жидкую козлиную бородку.

Он заказал по бокалу шампанского и... больше ничего?! Это был тревожный сигнал! Я к этому не была готова, рассчитывала на более щедрый ужин! Меня распирало от нетерпения, и я решила сообщить, что переезжаю к нему! И еще я вспомнила про сон. Про наш сон, продолжение которому будет в Риме! Я думала, что ему понравится вариант с переездом, и улыбнулась! А Виталий был чем-то раздражен и немногословен.

– Я проснулся, и мой сон закончился!

– Почему?!

– Меня уволили с работы!

– Какое это имеет значение?

– Меня уволил твой муж!

– Муж?!!

Это было нелепое совпадение, муж еще не успел прочитать мою записку! Прошло всего несколько часов! И опять

перед глазами всплыла зеленая лужайка-призрак с серым козликом, на голове которого уже не ветвились золотистые рога!!!

Я гордо достала из сумочки ключи от квартиры Виталия и положила с ним рядом.

В этот раз я приехала домой не так поздно и не так быстро. Мужа не было дома.

Мой Санек, как впоследствии оказалось, в этот же день встречался с одной из сотрудниц своей конторы, как раз с той, которая сидела за одним столиком в кафе со мной. Она была его любовницей.

Но об этом я узнаю позже, у них это кафе было местом встречи для любовных интрижек; Санин друг, Васек, мне по телефону об этом проболтается и даже расскажет про свою новую пассию, которая с моим Виталием тогда на дороге выясняла отношения. Они были давно все знакомы и работали в одной конторе моего мужа.

«Все мужчины гоняются за деньгами и за женщинами, как мотыльки перелетают с цветка на цветок! И почему не могут наслаждаться пыльцой с одного прекрасного бутона?» – промелькнула философская мысль в моей романтической головке.

Раздался телефонный звонок. Я подошла и зарыдала в трубку.

– Привет, Любаня, что, муж закуролесил? Все женщины рыдают, когда мужики по бабам бегают.

– Это я за-ку-роле...сила. Понимаешь, ты тогда не пришел, вот я и заку-ро-ле-си-ла в кафе...

– Любаня, что ты сделала? Куда я не пришел, повтори... В какое кафе, спокойно.

– Ты опять начинаешь?

– Я и не собирался с тобой ни в какое кафе! Меня вообще в стране не было!

– Врешь, Жорик!

– Какой я тебе Жорик?! Саня придет, вот я ему про Жорика все и расскажу.

– Если ты не Жорик, то кто?

– Василий меня зовут, забыла, что ли? Давай колись!

– Случилось!!! Вась, случилось!

Как на духу я рассказала Санинуому другу романтическую историю про своих незнакомцев, а он поведал мне про свою новую пассию. После чего я с чувством выполненного долга пошла готовить обед!

2011 год

За что?

Утро для меня в тот день началось с недоразумения. Под пятницу приснился сон с неприятнейшим сюжетом, Я почувствовал боль в ноге, да так сильно, будто меня заковали в кандалы. В полудреме я сучил ногами, переворачивался с боку на бок, даже подпрыгивал на кровати, но вериги продолжали давить с новой силой.

К рассвету я все-таки освободился «из заточения» и с радостью побежал, прихрамывая, босиком мимо белой церкви с луковичными куполами. Уловить, что за место, было невозможно. Смутно, очень смутно ощущались толчки в спину и эхо крика женщины: «Наши, ваши...»

День выдался душным, пасмурным и влажным. При открытом окне в воздухе ощущалось напряжение. Какие-то мошки, комары и нестерпимые звуки «дзы-дзы» только добавляли нервозности в мои и так растрепанные чувства. Эти «дзы» становились с каждым часом все пронзительнее и кушачее. Я встал с головной болью и гнетущей мыслью: «Как я смогу доковылять в таком состоянии по неотложному мне делу через весь город?» Сердце перехватывало и замирало. На всякий случай перед выходом «присел на дорожку», перекрестился и поцеловал икону.

Со стороны проезжей улицы старомосковский особняк был похож на купеческий дом. На первом этаже лабазник из

кирпича, а на втором, деревянном, вырисовывались маленькие окошки с железными решетками. Я вошел через калитку с зубчатым забором в глухой дворик и поднялся на второй этаж.

После трехчасового ожидания в коридоре вошел робко и сел на кушетку. Молодая девушка лет тридцати в распахнутом белом халате с высокой прической посмотрела на меня искоса и продолжила строчить на бумаге. Она была похожа на воробьиное перышко, невесомое и серое. В ее беглом взгляде не было ни сочувствия, ни улыбки, ни гнева, в общем, ничего не было, что заставило бы меня перестать волноваться. Я подумал, наверняка ее пожурили за опоздание на работу или за недобросовестного пациента. А быть может, и вовсе не ругали, просто устала от июльской духоты и ей пока не до меня. В душе я хотел оправдать ее и себя за битых три часа убогого и унылого покоя в больничных коридорах. Я сделал несколько шумных движений руками, достал большой клетчатый платок и вытер со лба испарину. Но, уткнув свой курносый нос в карточку, девушка не отреагировала, и между нами образовался вакуум. Прошло минут пять, не больше, и она все-таки зыркнула на меня. Миг оборвался. Я вздрогнул и заглянул в ее глаза, но вскоре еще больше онемел от волнения. Я так испугался, что в воздухе забормотали одни шипящие звуки, и я закашлялся. Передохнув минутку-другую, заговорил еще более невнятно и сбивчиво, все хотел подчеркнуть важность визита, чтобы ускорить процеду-

ру. Но моя болтовня только нарушила более или менее спокойную обстановку.

Почувствовав слабость моей натуры, девушка в белом оживилась и вскоре прервала меня:

Мы до половины третьего. Если не успею, встретимся завтра. А вам повезло. Мужчина зашел без карточки, он не с нашего участка, вот вы и попали на его место, а могли бы и не зайти!

– Я не хочу на его место. Мне нужна справка.

– А зачем вам справка?

– Для продажи квартиры.

– Какой квартиры?

– Своей, какой же еще!

– А вы где жить будете?

– А зачем вам знать?

– Я все хочу про вас знать! Так вы продавец?!

– Ну да.

– К продавцам у нас особый подход.

– А что это значит?

– Требования более высокие. Где вы работаете?

– Нигде.

– Как вас понимать?

Здесь она прервалась и посмотрела на меня уже с особым любопытством, насквозь просверлив мой череп взглядом.

– Я драматург.

– Значит, с режиссерами работаете?

- Похоже, что так.
- Последнее место работы?
- Не помню.
- Почему?
- Послушайте, если нужна трудовая книжка, то я ее привезу.
- Все-таки, может быть, вспомните?
- В библиотеке два месяца.
- Всего лишь два?
- А сколько надо?
- А что было потом?
- Да что вы в конце концов?!
- Если отвечать отказываетесь, будут последствия.
- Какие последствия? Я пришел за справкой для банка, вот и все. Я никогда у вас на учете не состоял.
- Для банка, говорите? Тогда поговорим о сексе. В настоящий момент имеете половую связь?
- Что?
- Вам не слышалось.
- А причем тут связь? Про какую такую связь вы только что намекнули?
- Про половую, про какую же еще?!
- Вы в своем уме?
- Так все же? Как часто вы этим занимаетесь? А если нет, то почему?
- Отвечать?

– Я жду.

– Значит, отвечать?

И вот на этом каверзном вопросе влетела медсестра. Она так быстро и горячо говорила о пропавшей карточке, что я сразу ощутил крепкий узел на своей шее. С каждым мгновением ремни затягивались все туже, потому что речь зашла о мужчине «не с нашего участка». Дверь была чуть-чуть приоткрыта, и я уставился на мужчину в полинявшей клетчатой пижаме. Он несмело просунул сначала старомодный чемоданчик, а уж потом подпихнул себя и быстро закрыл дверь. Я заметил, что его луковичный череп, не скрываемый волосами, напоминал одну из глав той церкви, что привиделась мне во сне, и я испуганно насторожился. Врач тоже заметила перемену в моем лице, и ее тональность приобрела уже другую окраску. В непроветренном кабинете бледный пациент постепенно растворялся в воздухе со слезами на глазах:

– Я? На госпитализацию...

– Вам придется подождать в коридоре.

– Но прием закончится через пять минут...

– До завтра! Вы, что, не слышите? У меня связь расстраивается.

Я понял, она говорила обо мне. И говорила так, будто ничего не существовало приятнее и значимее, чем я, беспомощный и беспокойный, который ерзал на кушетке с перекатыванием сердца в груди уже больше часа.

Тщедушный мужчина снова заистерил:

– Мне нужна больничная койка!

– Ему тоже.

Когда девушка в белом холодно ответила прозрачному мужчине, а меня еще раз «отфлюорографировала», я догадался, что она не шутит. Подхватив жиденького с чемоданом, она быстро вывела его из кабинета. И здесь я заметил, что она прихрамывала. Я остался в кабинете наедине с осыпающейся и поблекшей лепниной, испытывая уже отдельные подергивания в коленках и плечах. Мой разум поплыл от простукиваний, обследований, кардиограмм и от бессмысленных расспросов. Мне уже было наплевать на мое «комильфо», и я из последних сил завопил:

– Сколько я могу еще сидеть и ждать? С меня уже капает...

– Вы больны?

Она опять начала что-то записывать на бумаге. Подкараулив подходящий момент, я как фокусник достал пятьсот рублей и незаметно подложил их под карточку. Ее пальчики продолжали танцевать на листе.

– Так, так! На чем мы с вами остановились, вспоминайте.

– На связи. Ответил я робко и добавил еще сто рублей, почувствовав приступ безнадежного полового влечения.

Девушка аккуратно отозвалась:

– Отлично, продолжим про связь.

– Я сейчас укушу вас за палец!

– Не надо так нервничать, смотрите, как вы покраснели.

Я думаю, вас надо отправить к психологу.

– Ведьма! Крикнув в воздух, я схватил ее за волосы. Она немного подрыгала ногами и с облегчением вздохнула: «Наконец-то»! Я посмотрел вниз. Ее туфли разлетелись по сторонам, а левая нога была стерта в кровь от мозолей. Испытывая неопишное блаженство, она зашевелила пальчиками обеих ног, и я нечаянно на них наступил. Она взвизгнула, как собачонка, и заплакала. Я вытер с ее лица слезы и смягчился:

– Но почему к психологу? У вас же нет психолога.

– Здесь нет, а в другом месте есть.

– Это в каком?

– Так, все! Прием закончен.

– К психологу, значит, говорите?

Я уставился на ее правую руку, которая уже судорожно что-то царапала на моей карточке:

– А где моя справка для банка?

– Отдохните в коридоре, вас запишут на другой день.

– Может, вам добавить?

– Зачем?

– Ну за этим...

– Выходите!

– Я не тронусь с места.

– Тогда госпитализация.

– Сумасшедшая!

Трясушимися руками я стал прыскать на нее из графина,

со стоном приговаривая: «Не забудьте поставить печать», а потом так разошелся, что не заметил, как графин свалился на ее раненые ноги: Не то от боли, не то от воды она захлебнулась, и мне пришлось уложить ее на кушетку:

В дверь постучали. Я по-быстрому взял справку, снял с нее халат и пересел за стол уже в белом, как заправский врач-психиатр.

– А, это опять вы?

– Я на госпитализацию.

– Вижу. А почему с раскрытым зонтиком и без чемодана?

– Капает же...

– Ну да. Снимайте тапочки. Видите ее ноги?

– Вижу.

– Ну смелее же! Ложитесь на кровать.

– Рядом?

– Вы довольны?

– А укол?

– Какой укол? А. В этом смысле все правильно. Конечно же, укол. Но позже.

– Эта моя кровать?

– Ваша-ваша, чья же еще!

– Тогда почему она пихается?

– Ну ладно-ладно, не капризничайте.

– Сами сказали лечь сюда, вот я и лег. А иначе зачем мне сюда ложиться.

– Но не запретишь же вам. Подождитесь – вот, что сейчас

от вас требуется.

– Ну, делать все равно нечего...

– Вот именно! Любой, кто с вами ляжет, враг вам. Лучше заправьте майку, а зонтик закройте, он вам будет только мешать.

2014 год

Дорогой подарок

В такие дни приятно дарить подарки, и я решился! В Рождественский сочельник моя законная супруга загрустила, и я подумал, что для праздничного настроения наступил самый подходящий момент. Надо начать первым, а слова сами побегут, но слова без смысла до неба не дойдут, и я с разбега заверещал:

– Дорогая, у меня для тебя сюрприз!

– Какая прелесть, Ромашек.

– Это непростой подарочек...

– Золотой?

– Бриллиантовый, Маришек.

Изумленная Маришек пошлепала за мужем в спальню в надежде увидеть обещанный подарок. Но Ромашек не спешил и, перед тем как вальяжно развалиться в креслах, решил размяться, потому как его переходный возраст из этого света в тот требовал ежедневной тренировки. Он резво запрыгал козликом вокруг супруги для зачина первого акта (Ромашек режиссировал в своем театре главным). Но затянувшаяся одышка вовремя приостановила забег, ничего тут не поделаешь, «нежный возраст», господа!

В этот раз Ромашек потянулся за сигарами в паническом состоянии, стукнул себе по руке, сморщился и недовольно плюхнулся в кресло Людовика 14, сложив ноги крестиком.

– Я долго думал, Маришек, что в такие дни Богу особенно нужна наша жертва. Да-да, жертва, в исправление грехов наших. Мы же небезгрешны, Маришек, с этим не поспоришь... Но мы не злые люди, можно сказать, добрые, очень добрые. Маришек, а что делают добрые люди? Добрые делают добрые дела. И я Маришек увидел свет в конце туннеля! Мы просто обязаны пролить на себя этот свет.

– А чем, Ромашек?

– Взять к себе проститутку.

– Прос-ти-тут-ку?..

– А ты что подумала? Юную рыжеволосую дьяволицу с красивыми ногами., на днях я приведу ее в наш дом, во имя нашей любви, Маришек!

– Ты с ума сошел?!

– Вот именно, только так мы будем доказывать верность друг другу, Маришек.

– Какой ты волшебник, Ромашек!

– Я не шучу! Ты же умная женщина. А умная женщина тоже подарок!!!

Пойми, в ней живет злой дух, он ее наказывает. На днях пристрою ее в свой театр, и вот увидишь, как она через полгода, ну что там полгода, через месяц преобразится в Мальвину.

– У нее большой нос, мой Карабас Барабас?

– Маришек, ты, как всегда, шутишь. У Пиноккио длинный нос, а у Мальвины маленький, курносенький, такая она

вся хорошенькая...

– Лучше обо мне позаботься.

– Ты ангел, Маришек, давай переставлять мебель?

Маришек была огорчена разговорами любимого супруга, но не подавала виду, в душе мучилась, жалела, прощала, потому как, прожив без малого пятьдесят лет вместе, состарилась, располнела и была уже никому ненужная, забытая всеми актриса. А Ромашек, щеголяя в звездах, орденах и медалях театрального собрания, продолжал руководить театром, в перерывах между антрактами давал интервью и с усердием заботился о своей ранимой душе!

Набравшись храбрости, в силу исключительной интеллигентности, Маришек продолжила с интонацией взволнованной собачонки:

– Так вот какой твой подарочек...

– По-хорошему добрый жест! Ты только представь себе, Маришек, что стоит она на дороге замерзшая, голодная, умереть может.

– А у нас дела, Ромашек, тоже плохи. Инфляция все доплаты съела по социальной карте. Денег на еду совсем не осталось., проели все сбережения., зачем только купили загородный дом? Лучше бы я в Америке осталась.

– Дорогая, сокращай расходы, а проститутку я беру на себя.

– Как на себя?

– Для начала подумаем о твоей работе? Не будите же вы

толкаться с ней в одной квартире целый день.

– Ромашек, но мы еще не достигли дна, хотя ты совсем мне денег не даешь?

– Ты же актриса, Маришек? Ты можешь нам помочь! Знаешь, мне неприятно об этом говорить, но, пожалуй, это единственный способ! Нужно идти...

– Идти, Ромашек, куда?

– Торговать собой!!!

– Ты в своем уме? Мне же 75 лет!

– Ну и что, мы не собираемся расстреливать бедных и обманывать законных вкладчиков. Будем делать добрые дела, только незлые люди спешат делать добрые дела.

– Ромашек, в Германии для бездомных один добрый человек переделал свой грузовик в дешевый отель, но его угнали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.